

УДК 821.161.1

Творческий поиск художника в романе «Униженные и оскорбленные»: культурологический анализ

Ван Чуньхун

Доцент,

Цзилиньский педагогический университет,

136000, Китайская Народная Республика, Сыпин, ул. Хайфэн, 1301;

e-mail: wbcd123@sina.com

Аннотация

Роман Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» рассматривается как идеологический роман, о чем свидетельствуют специфика сюжета, образы и специфика персонажей. Герой рассматривается как мыслитель, носитель какой-то жизненной философии. Все романное построение становится реализацией этой идеи, ее проверкой на прочность. В качестве философствующего субъекта может выступать как сам писатель или близкий ему герой-протагонист, так и несколько равноправных персонажей-идеологов, спор между которыми – большой диалог, остающийся незавершенным. Роман «Униженные и оскорбленные» сочетает в себе традиции и инновации творческого поиска художника и в этом смысле дает богатейший материал для понимания того, как развивался романский почерк Ф.М. Достоевского, каким образом он пошел на создание «полифонического» романа. К особенностям композиции могут быть отнесены ее многофигурность, обилие случайных, подчас мистических совпадений, благодаря которым развивается запутанная интрига. В «Униженных и оскорбленных» Ф.М. Достоевского конспективно намечено все, что будет автором развернуто впоследствии. Роман интересен тем, что Ф.М. Достоевский не решает, а ставит проблемы, которые будут рассматриваться им на протяжении всей жизни.

Для цитирования в научных исследованиях

Ван Чуньхун. Творческий поиск художника в романе «Униженные и оскорбленные»: культурологический анализ // Культура и цивилизация. 2018. Том 8. № 3А. С. 37-45.

Ключевые слова

Роман Достоевского, идеологический роман, роман «Униженные и оскорбленные», Ф.М. Достоевский, философия культуры, теория и история культуры.

Введение

Творчество Ф.М. Достоевского, предвосхитившего в своих произведениях важнейшие философские и нравственные коллизии XX в., представляется уникальным явлением. Оттого и в настоящее время интерес к духовному богатству наследия Достоевского, его разносторонности и разноречивости возрастает по мере усложнения мира и человека. В русской и мировых гуманитарных науках традиционным стало восприятие творчества Достоевского как глубоко трагичного [Бахтин, 1972, 320].

Роман «Униженные и оскорбленные» занимает особое место в творчестве Ф.М. Достоевского. Произведение сочетает в себе традиции и инновации творческого поиска художника. И в этом смысле оно дает богатейший материал для понимания того, как развивался романский почерк Достоевского, каким образом он пошел на создание «полифонического» романа.

Роман «Униженные и оскорбленные» (1861) был написан Ф.М. Достоевским в эпоху необычайного подъема общественной жизни в России, когда публикация нового литературного произведения воспринималась как событие социального значения. Таким образом, появился роман «Униженные и оскорбленные». Роман казался необычным читателям: они столкнулись с новой этической и социальной проблемой – проблемой эгоизма. Князь Валковский, разворачивающий свою циничную «философию жизни» на страницах романа, стал первым героем в творчестве писателя – «идеологом», предшественником Человека из Подполья, Раскольникова, Свидригайлова и других героев Достоевского 1860-1870 гг.

Роман «Униженные и оскорбленные» можно назвать психологическим трактатом по изучению такого явления, как эгоизм. Самыми откровенными из его проявлений являются действия Валковского.

Его сын Алексей тоже эгоистичен. Он не смог устоять перед перспективами обеспеченной и беззаботной жизни. В метании между Катей и Наташей он оказался на стороне Кати благодаря ее благосостоянию. Алеша понимает, что не сможет обеспечить свою семью, если его отец откажется поддержать его [Груздев, 1922, 230].

Наташа проявляет своеобразный жертвенный эгоизм. Упиваясь своими страданиями, она не хочет замечать муки своих родителей. Она ослеплена чувством любви к Алексею, но эта любовь эгоистична, она поработает: «...что он был моим, только моим...». Наташа, рассказывая Ивану Петровичу о своих любовных переживаниях, не понимает, насколько жестоко поступает по отношению к любящему ее человеку.

Материалы и методы

Не менее эгоистичными в своих обидах являются старик Смит и Николай Сергеевич Ихменев. Погруженные в ненависть, они не замечают страданий любимых людей. Их гордость сильнее любви.

Тонкий «эгоизм страдания» выписывается в образе Нелли. Ей нравится чувствовать себя жертвой. Девушка отвергает заботу о себе, не хочет верить людям, считая их жестокими. Она готова голодать, блуждать и умолять, но не желает менять свой образ жизни.

Следует отметить, что роман «Униженные и оскорбленные» занимает довольно скромное место в исследованиях творчества Достоевского. Каждая монография, адресованная

произведениям Достоевского 60-х гг., включает описание идей и образов этого романа, но до сих пор нет полного целостного изучения его поэтики.

Как справедливо отмечает Я.Е. Эльсберг, роман «Униженные и оскорбленные» можно назвать «экспериментальным» романом Достоевского, эскизом его будущих творческих композиций. В данном романе собраны многие мотивы, ситуации, опробованы новые принципы изображения, которые впоследствии будут успешно использованы писателем [Эльсберг, 1072].

В своем романе Достоевский возвращается к мотивам и героям «Бедных людей», «Белых ночей», «Слабых сердец», «Неточки Незвановой», которые получают в романе иное психологическое и идеологическое направление [Кашина, 1989, 248]. Роман связан не только с судьбами, персонажами, психологическими ситуациями, но и с двумя периодами российского общества – с 1840-ми и 1860-ми гг. Таким образом, роман стал своего рода подведением итогов, но не прощанием с прошлым и не отречением от него.

Роман «Униженные и оскорбленные» во многом является переходным в творчестве Достоевского. Доктор филологических наук Н.Ф. Буданова в комментариях к роману отмечает, что этот роман – «первый опыт нового для писателя “идеологического романа”. В нем содержатся зачатки многих идей, образов, поэтики зрелого Достоевского» [Магарил-Ильяева, 2018, 200].

В исследовании Л.Л. Семенищенковой «Роман Ф.М. Достоевского “Униженные и оскорбленные”: проблематика и особенности реализма» рассматривается мировоззрение писателя в период написания романа, предлагается анализ образной системы работы.

Автор отмечает, что идеологическая концепция писателя содержала трезвую историческую правду в оценке многих социальных явлений. В поисках путей преобразования жизни Достоевский возлагал надежды на нравственное совершенство человека, и это его положение радикально отличалось от позиции революционных демократов. Это определило обращение писателя в его творчестве к этическим вопросам, углубление в психологию человека [Постникова, 2018, 441].

В уникальной интерпретации отношений между героями романа Чернышевский увидел надежный образ сложных жизненных ситуаций, реальных противоречий в человеческой психологии. Он отметил, что роман «Униженные и оскорбленные» имеет форму автобиографии. Это записка «неудавшегося писателя», человека больного, чьи дни сочтены. Форма заметок позволяет свободно включать в повествование мысли о том, что происходит, оценивать людей, мнения, высказывать суждение о том, что видит и наблюдает герой.

Добролюбов назвал роман Достоевского «лучшим литературным явлением» текущего года. Однако критик обнаружил ряд недостатков в работе, что было связано с уникальностью художественных критериев Добролюбова. Он подошел к оценке работы с точки зрения ее политической позиции. Главной проблемой русской общественной жизни 60-х гг. Добролюбов справедливо считал вопрос об упразднении крепостного права, и он призывал писателей сосредоточить свое внимание на этом ключевом вопросе для русской жизни. Остальные проблемы он и его сторонники были готовы на время признать вторичными [Эльсберг, 1072, 90].

Начало публикации романа «Униженные и оскорбленные» в журнале «Время» приветствовал А.Н. Плещев, который написал: «Новый роман его напомнил нам его прежние произведения: те же хватающие за сердце ноты слышны в нем... даже и тот фантастический колорит, который так любит г-н Достоевский, колорит, как будто навеянный на него одним из любимых писателей, Гофманом, встречается здесь в первой же сцене... Первая глава нового

романа, где являются странный старик с своей собакой, по нашему мнению, превосходна». Таким образом, другой литературный критик отметил «переходность» романа, подчеркнув, что многие моменты в «Униженных и оскорбленных» исходят из предыдущей работы.

Результаты и обсуждения

Интерпретация образов романа «Униженные и оскорбленные» с точки зрения достижений XX в. дана в работах М. Бабович, М. Гуса, В. Кирпотина, В. Кулешова, Б. Реизова, В. Туниманова и других исследователей. Вопрос о художественных достоинствах романа был также решен в работах А. Чичерина, Н. Чиркова, В. Этова, в статьях Д. Лихачева, В. Свительского и др.

Достоевский традиционно считается создателем особого типа «идеологического романа» в русской литературе, который был впервые обоснован Б.М. Энгельгардтом. Полемиически развивая идею последнего, М.М. Бахтин назвал произведения писателя «романами об идее»; по его мнению, почти каждый герой Достоевского является «человеком идей», а его полифонический роман – это диалог «живых образов идей» [Энгельгардт, 1924].

Герои-идеологи – это главная особенность работ Достоевского. М.М. Бахтин отмечает, что «герой Достоевского – это не только слово о себе и его ближайшем окружении, но и слово о мире: он не только сознатель, он – идеолог».

Это слияние слов героя о себе с его идеологическим словом о мире, по мнению М.М. Бахтина, «значительно усиливает прямое смысловое значение самовыражения, усиливает его внутреннее сопротивление любому внешнему завершению». Идея помогает самосознанию утверждать свой суверенитет в художественном мире Достоевского и торжествовать над любым прочным и стабильным нейтральным образом [Болотова, 2018, 220].

«Идеологическое слово» персонажей Достоевского лично; его герои, вспомним выражение Бахтина, представляют собой «живые образы идей», различных по содержанию, часто антиномичных и, следовательно, способных вступать в диалогическое общение друг с другом. «Нужно подчеркнуть, – отмечает Бахтин, – что в мире Достоевского и согласие сохраняет свой диалогический характер, то есть никогда не приводит к слиянию голосов и правд в единую безличную правду, как это происходит в монологическом мире».

Утверждение идеи в литературе обычно является монологическим. Идея либо подтверждается, либо отрицается вообще [Валова, Глушко, 2018, 335]. Все подтвержденные идеи полностью сливаются с авторским видением, а неподтвержденные распределены между персонажами, но не как «социально-типические или индивидуально характерные проявления мысли. Знающим, понимающим, видящим в первой степени является один автор».

Достоевский мог изображать чью-то чужую идею, сохранив свою конкретность как идеи, но в то же время писатель держался на расстоянии, не утверждая и не сливая ее со своей собственной выраженной идеологией. «Идея в его творчестве становится предметом художественного изображения, а сам Достоевский стал великим художником идеи».

Основную особенность творчества Достоевского подчеркнул Б.М. Энгельгардт в своей работе «Идеологический роман Достоевского». Он отталкивается от социологического и культурно-исторического определения героя Достоевского. «Герой Достоевского – оторвавшийся от культурной традиции, от почвы и от земли интеллигент-разночинец, представитель “случайного племени”. Такой человек вступает в особые отношения к идее: он беззащитен перед нею и перед ее властью, ибо не укоренен в бытии и лишен культурной традиции. Он становится “человеком идеи”, одержимым от идеи». Идея в герое, по мнению

Энгельгардта, определяет и уродует сознание жизни героя. Идея самостоятельно живет своей жизнью в сознании героя, а писатель изображает не жизнь героя, а жизнь идеи в герое. Поэтому именно идея является доминантной в образной характеристике героя; это не биографическая доминанта, как, к примеру, у Толстого и Тургенева. Следовательно, отсюда и выливается жанровое определение романа Достоевского как «романа идеологического». Однако это не просто роман, а роман с идеей [Буркальцева, Симченко, Гук, 2018, 260].

«Достоевский, – говорит Энгельгардт, – изображал жизнь идеи в индивидуальном и социальном сознании, ибо ее он считал определяющим фактором интеллигентного общества. Но это не надо понимать так, будто он писал идейные романы, повести с направлением и был тенденциозным художником, более философом, нежели поэтом. Он писал не романы с идеей, не философские романы во вкусе XVIII века, но романы об идее. Подобно тому как центральным объектом для других романистов могло служить приключение, анекдот, психологический тип, бытовая или историческая картина, для него таким объектом была “идея”. Он культивировал и вознес на необычайную высоту совершенно особый тип романа, который, в противоположность авантюрному, сентиментальному, психологическому или историческому, может быть назван идеологическим. В этом смысле его творчество, несмотря на присущий ему полемизм, не уступало в объективности творчеству других великих художников слова: он сам был таким художником и ставил, и решал в своих романах прежде и больше всего чисто художественные проблемы. Только материал у него был очень своеобразный: его героиней была идея».

Являясь предметом изображения, доминантой в построении образов героя, идея приводит к распадению мира всего романа на миры героев, созданные и построенные владеющими ими идеями. Многоплановость романа Достоевского со всею отчетливостью прослеживается у Б.М. Энгельгардта в «Идеологическом романе Достоевского»: «Принципом чисто художественной ориентировки героя в окружающем является та или иная форма его идеологического отношения к миру. Подобно тому, как доминантой художественного изображения героя служит комплекс идей-сил, над ним господствующих, точно так же доминантой при изображении окружающей действительности является та точка зрения, с которой взирает на этот мир герой» [Жеребило, 2018, 10]. Каждому герою мир дан в особом аспекте, соответственно которому и конструируется его изображение. У Достоевского нельзя найти так называемого объективного описания внешнего мира; в его романе, строго говоря, нет ни быта, ни городской или деревенской жизни, ни природы, но есть то среда, то почва, то земля, в зависимости от того, в каком плане созерцается все это действующими лицами. Благодаря этому возникает та многопланность действительности в художественном произведении, которая у преемников Достоевского зачастую приводит к своеобразному распаду бытия, так что действие романа протекает одновременно или последовательно в совершенно различных онтологических сферах».

Образ идеи неотделим от образа человека – носителя этой идеи. Размышления Энгельгардта об идеи внутри романа Достоевского М.М. Бахтин не поддерживает, полагая, что «не идея сама по себе является “героиней произведений Достоевского”, а человек идеи». Ученый отмечает, что человек идеи – это не характер и не темперамент, носитель полноценной идеи – это «человек в человеке».

В романе «Униженные и оскорбленные» раскрываются непростые истории нескольких бедных людей низкого сословия, которые постоянно терпят унижение и обиды, причиняемые отвратительным князем Валковским.

К особенностям композиции могут быть отнесены ее многофигурность, обилие случайных, подчас мистических совпадений, благодаря которым развивается запутанная интрига. Добро и

зло не просто ярко выражены в романе, они персонифицированы. Идея абсолютного, победительного зла воплощена в образе князя Валковского.

Валковский – новый тип для писателя. Этот герой-идеолог – литературный предшественник более сложных и художественно совершенных героев такого же плана – Раскольников, Свидригайлова, Ставрогина. Образ Валковского еще не имеет психологической и философской сложности, характерной, например, Свидригайлову и Ставрогину, в душах которых, однако, существует болезненная борьба между злом и добром [Павлова, Федотов, 2018, 9].

В руках Валковского сконцентрированы все тайные пружины действия, а злая воля обуславливает судьбу всех персонажей. В первой части романа автор таинственно рассказывает о нем несмотря на то, что князь там не присутствует вообще. Валковский появляется лишь во второй части и, сохраняя маску респектабельности и благородства, начинает действовать обманом и коварством. В третьей части разыгрывается сцена столкновения князя и его антипода Ивана Петровича, в которой Валковский предстает перед читателем во всей своей омерзительной наготе. Четвертая часть – полное исчезновение Валковского, которое знаменует полную его победу. Такая последовательность раскрытия личности князя свойственна романной технике Достоевского.

Являясь жестоким индивидуалистом, Валковский был готов к любым средствам, дабы достигнуть своей цели: «Скорее Лиссабон провалится, чем не сбудется по моему желанию».

Аморализм Валковского имел жизненные истоки в русской действительности того времени, в современной Достоевскому буржуазной индивидуалистической этике. Валковский, являясь потребителем по своей сущности, старается извлечь из жизни как можно больше наслаждений, используя при этом деньги, которые для него являются всего лишь средством для получения всего желаемого, главным двигателем и вершителем человеческих судеб. «Жизнь – коммерческая сделка, – утверждает в беседе с Иваном Петровичем Валковский, – даром не бросайте денег, но, пожалуйста, платите за угождение, и вы исполните все свои обязанности к ближнему, – вот моя нравственность. <...> Идеалов я не имею и не хочу иметь. <...> В свете можно так весело, так мило прожить и без идеалов...». Его не подавляет внутреннее одиночество, оно скорее является для него самой лучшей формой существования [Соломонова, Кузнецова, 2018, 53].

В финале романа – трагически разрушенные судьбы его героев. Писатель-гуманист правдиво показал трагически неразрешимые конфликты своей эпохи.

К особенностям композиционного строения романа можно отнести параллельное развитие сюжетных линий – истории Наташи Ихменевой и истории Нелли. Все происходящее с этими героинями преломляется через сознание Ивана Петровича, который одновременно выступает и как рассказчик, самым активным образом участвующий в напряженном и запутанном действии, и как связующее звено, объединяющее все нити разветвленного сюжета, и как носитель философских, этических и социальных идей автора романа.

В «Униженных и оскорбленных» Достоевского происходит своеобразное удвоение сюжетных линий: перед читателем предстают две дочери, ради любви бросающие своих отцов (Наташа и мать Нелли, «Смитиха»); два князя Валковских (отец и сын); жертвенная любовь Ивана Петровича к Наташе перекликается с бескорыстным, платоническим чувством Генриха («Феферкухена», как издевательски именуется его сыщик Маслобоев) к матери Нелли; Генрих умер совсем еще молодым – то же вскорости предстоит Ивану Петровичу, дописывающему историю своей любви в больнице, в полном одиночестве и нищете; ожидаемая смерть Ивана Петровича зеркально отражает еще и упомянутую в романе раннюю кончину критика Б.

Антиподом эгоисту и мизантропу Валковскому в романе предстает Иван Петрович – автор филантропической повести, сознательный, убежденный носитель кантовского императива «добро ради добра», альтруист, моралист и неудачник. Образ Ивана Петровича породил в критике бурную полемику. Ивана Петровича рассматривали и как резонера, и как художественного двойника самого Достоевского 40-х гг. – идеалиста и романтика, над которым Достоевский 60-х гг. вершил безжалостный, но справедливый суд. Вероятнее всего, воспринимать образ Ивана Петровича нужно как предтечу «положительно прекрасного» князя Мышкина [Чабристова, 2018, 67]. Достоевский после каторги обрел непоколебимую уверенность в том, что единственно возможный путь человека, к счастью, лежит через страдание. Христос, принявший страдание во имя людей, – идеал, данный людям. Тот, кто страдает за других искренне и самоотверженно, приближается к этому идеалу. Бескорыстный, целомудренный, донкихотствующий Иван Петрович явно тяготеет к идеалу Богочеловека (хотя религиозная тема в романе практически не затронута) – на другом конце шкалы располагается Валковский, в гордыне своей возомнивший себя Человекобогом, равным Создателю.

Заключение

В «Униженных и оскорбленных» Достоевского конспективно намечено все, что будет автором развернуто впоследствии: ночная сцена в ресторане между князем и Иваном Петровичем – это первая «философская беседа», где совершается борьба идей и где добро и зло получают возможность сойтись в споре, причем суд над добром поручается злодею. Странная, немислимая в реальной жизни любовь «втроем», которая могла бы спасти Алешу, Наташу и Катю, предвосхищает трагические треугольники «Мышкин – Аглая – Настасья Филипповна» и «Рогожин – Настасья Филипповна – Мышкин» в «Идиоте». Антитеза «любовь – страсть» здесь только заявлена, как заявлен и конфликт между всеобщей братской сострадательной христианской любовью и любовью, возникающей между мужчиной и женщиной в результате предпочтения ими друг друга всем остальным. Сыщик Маслобоев – добрый, но слабый и способный в равной степени на добро и зло, пропащий человек, сознающий свою обреченность – предтеча Порфирия Петровича из «Преступления и наказания». Тема денег, возникающая в романе постоянно, также перейдет в последующие произведения, а фраза Алеши Валковского «Богатство – главное. Нынче самый главный князь – Ротшильд» вызывает прозрачные ассоциации с «ротшильдовской» идеей романа «Подросток».

«Униженные и оскорбленные» Достоевского стоят в преддверии романов-трагедий. Шаблоны мелодрамы, авантюрного и уголовного романа наполняются гениальным психологическим и идеологическим содержанием. Ф.М. Достоевский вырабатывает новый повествовательный стиль, изображая жизнь идей в конкретной форме. Роман интересен тем, что Достоевский не решает, а ставит проблемы, которые будут рассматриваться им на протяжении всей жизни.

Библиография

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972. 464 с.
2. Болотова У.В. Философские воззрения Ф.М. Достоевского // Материалы XX международной научно-практической конференции «Россия и Европа: связь культуры и экономики». Прага, 2018. С. 217-221.
3. Буркальцева Д.Д., Симченко Н.А., Гук О.А. Творчество Достоевского Ф.М. – философия будущего в отражении человека // Национальное здоровье. 2018. № 1-2. С. 259-266.

4. Валова Л.В., Глушко Е.Ю. Христианские идеи в творчестве Ф.М. Достоевского // Электронный сборник статей по материалам LXI студенческой международной научно-практической конференции «Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки». Новосибирск, 2018. С. 333-337.
5. Груздев И.А. Лицо и маска // Серапионовы братья: заграничный альманах. Берлин: Русское творчество, 1922. С. 203-237.
6. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972. Т. 20. 541 с.
7. Жеребило Т.В. Актуальные проблемы разработки интердисциплинарной модели концептосферы творчества Ф.М. Достоевского // *Lingua-universum*. 2018. № 3. С. 3-14.
8. Кашина Н.В. Эстетика Ф.М. Достоевского. М.: Высшая школа, 1989. 288 с.
9. Магарил-Ильяева Т.Г. Гностицизм в литературе русского реализма: ранний Достоевский // Русская литература и философия: пути взаимодействия. М.: Водолей, 2018. С. 196-216.
10. Павлова О.В., Федотов В.А. Философия Достоевского Ф.М. // Гуманитарный трактат. 2018. № 23. С. 6-10.
11. Постникова Е.Г. Теория личности Ф.М. Достоевского // Тезисы докладов 76-й международной научно-технической конференции «Актуальные проблемы современной науки, техники и образования». Магнитогорск, 2018. С. 441-442.
12. Соломонова А.А., Кузнецова М.А. Ф.М. Достоевский за рубежом: восприятие романов русского классика иностранной аудиторией // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. 2018. № 1. С. 50-54.
13. Чабристова Е.В. «Ф.М. Достоевский – русский писатель и журналист» – беседа с иностранными студентами на продвинутом этапе обучения // Проблемы научной мысли. 2018. Т. 3. № 1. С. 65-70.
14. Эльсберг Я.Е. Наследие Достоевского и пути человечества к социализму // Достоевский – художник и мыслитель. М.: Художественная литература, 1972. С. 27-96.
15. Энгельгардт Б.М. Идеологический роман Достоевского // Долинин А.С. (ред.) Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы. М.; Л.: Мысль, 1924. С. 71-109.

Creative searches of the artist in the novel *The Insulted and Humiliated*: culturological analysis

Chunhong Wang

Associate Professor,
Jilin Normal University,
136000, 1301 Haifeng st., Siping, People's Republic of China;
e-mail: wbcd123@sina.com

Abstract

The article aims to carry out a culturological analysis of the creative searches of the artist in the novel *The Insulted and Humiliated*. F.M. Dostoevsky's novel *The Insulted and Humiliated* is considered to be an ideological novel, as evidenced by the specificity of the plot, the images and the specifics of the characters. The hero is seen as a thinker, the bearer of some philosophy of life. The whole novel construction becomes the realisation of this idea. The work combines the traditions and innovations of the artistic search of the writer. And in this sense, it gives a wealth of material for understanding how Dostoevsky's novel handwriting developed, how he went about creating a “polyphonic” novel. The features of the composition include the following: its multi-figure character, an abundance of random, sometimes mystical coincidences, thanks to which the intricate intrigue develops. The parallel development of the plot lines is viewed as one of the peculiarities of the compositional structure of the novel. In Dostoevsky's *The Insulted and Humiliated*, everything that will be published subsequently is outlined. The author thinks that the novel is interesting because Dostoevsky does not solve problems, but poses ones that will be considered by him throughout his life.

Chunhong Wang

For citation

Wang Chunhong. (2018) Tvorcheskii poisk khudozhnika v romane «Unizhennye i oskorblennye»: kul'turologicheskii analiz [Creative searches of the artist in the novel *The Insulted and Humiliated*: culturological analysis]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 8 (3A), pp. 37-45.

Keywords

Dostoevsky's novel, ideological novel, *The Insulted and Humiliated*, F.M. Dostoevsky, philosophy of culture, theory and history of culture.

References

1. Bakhtin M.M. (1972) *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ.
2. Bolotova U.V. (2018) Filosofskie vozzreniya F.M. Dostoevskogo [Philosophical views of F.M. Dostoevsky]. *Materialy XX mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Rossiya i Evropa: svyaz' kul'tury i ekonomiki"* [Proc. 20th Int. Conf. "Russia and Europe: the connection between culture and economy"]. Prague, pp. 217-221.
3. Burkal'tseva D.D., Simchenko N.A., Guk O.A. (2018) Tvorchestvo Dostoevskogo F.M. – filosofiya budushchego v otrazhenii cheloveka [The creativity of F.M. Dostoevsky – the philosophy of the future in the reflection of man]. *Natsional'noe zdorov'e* [National health], 1-2, pp. 259-266.
4. Chabristova E.V. (2018) "F.M. Dostoevskii – russkii pisatel' i zhurnalist" – beseda s inostrannymi studentami na prodvinutom etape obucheniya ["F.M. Dostoevsky – a Russian writer and journalist" as the conversation with international students at the advanced stage of training]. *Problemy nauchnoi mysli* [Problems of scientific thought], 3 (1), pp. 65-70.
5. Dostoevskii F.M. (1972) *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t.* [Complete works], Vol. 20. Leningrad: Nauka Publ.
6. El'sberg Ya.E. (1972) Nasledie Dostoevskogo i puti chelovechestva k sotsializmu [Dostoevsky's legacy and ways of humanity to socialism]. In: *Dostoevskii – khudozhnik i myslitel'* [Dostoevsky as an artist and thinker]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., pp. 27-96.
7. Engel'gardt B.M. (1924) Ideologicheskii roman Dostoevskogo [Dostoevsky's ideological novel]. In: Dolinin A.S. (ed.) *F.M. Dostoevskii. Stat'i i materialy* [F.M. Dostoevsky. Articles and materials]. Moscow; Leningrad: Mysl' Publ., pp. 71-109.
8. Gruzdev I.A. (1922) Litso i maska [The face and the mask]. In: *Serapionovy brat'ya: zagranichnyi al'manakh* [Serapionov brothers: a foreign almanac]. Berlin: Russkoe tvorchestvo Publ., pp. 203-237.
9. Kashina N.V. (1989) *Eстетика F.M. Dostoevskogo* [The aesthetics of F.M. Dostoevsky]. Moscow: Vysshaya shkola Publ.
10. Magaril-Il'yaeva T.G. (2018) Gnostitsizm v literature russkogo realizma: rannii Dostoevskii [Gnosticism in the literature of Russian realism: the early works by Dostoevsky]. In: *Russkaya literatura i filosofiya: puti vzaimodeistviya* [Russian literature and philosophy: ways of interaction]. Moscow: Vodolei Publ., pp. 196-216.
11. Pavlova O.V., Fedotov V.A. (2018) Filosofiya Dostoevskogo F.M. [The philosophy of F.M. Dostoevsky]. *Gumanitarnyi traktat* [Humanitarian treatise], 23, pp. 6-10.
12. Postnikova E.G. (2018) Teoriya lichnosti F.M. Dostoevskogo [The theory of personality developed by F.M. Dostoevsky]. *Tezisy dokladov 76-i mezhdunarodnoi nauchno-tekhnicheskoi konferentsii "Aktual'nye problemy sovremennoi nauki, tekhniki i obrazovaniya"* [Proc. 76th Int. Conf. "Topical problems of modern science, technology and education"]. Magnitogorsk, pp. 441-442.
13. Solomonova A.A., Kuznetsova M.A. (2018) F.M. Dostoevskii za rubezhom: vospriyatie romanov russkogo klassika inostrannoi auditoriei [Dostoevsky abroad: the perception of the novels of the Russian classics by foreign readers]. *Mezhdunarodnyi aspirantskii vestnik. Russkii yazyk za rubezhom* [International post-graduate student bulletin. The Russian language abroad], 1, pp. 50-54.
14. Valova L.V., Glushko E.Yu. (2018) Khristianskie idei v tvorchestve F.M. Dostoevskogo [Christian ideas in the creativity of F.M. Dostoevsky]. *Elektronnyi sbornik statei po materialam LXI studencheskoi mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Nauchnoe soobshchestvo studentov XXI stoletiya. Gumanitarnye nauki"* [Proc. 61st Int. Conf. "The scientific community of students of the 21st century. The humanities"]. Novosibirsk, pp. 333-337.
15. Zhrebilo T.V. (2018) Aktual'nye problemy razrabotki interdistsiplinarnoi modeli kontseptosfery tvorchestva F.M. Dostoevskogo [Topical problems of developing an interdisciplinary model of the conceptual sphere of the creativity of F.M. Dostoevsky]. *Lingua-universum*, 3, pp. 3-14.